

**ВООБРАЖЕНИЕ РЕГИОНА КАК КОЛОНИЗАЦИЯ:
КУБАНЬ-ЧЕРНОМОРЬЯ-КУБАНЬ (ПРАКТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ И НА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.)**

Розглянуті деякі питання формування території Російської імперії. Автор статті зосередив свою увагу на кордонах Кубані, що увійшла до складу Росії разом з Кримським півостровом у 1783 р. після Російсько-турецької війни. Описано становлення Кубанського краю наприкінці XVIII – середині XIX ст. і відображення його на географічних картах та атласах.

Существует ли Кубань? Вопрос может показаться абсолютно нелегитимным с точки зрения современного политического дискурса, когда речь идет об инвестиционной привлекательности Кубани-*региона*, о роли в его истории кубанского казачества, объявленного по сути аб ово местной истории, наконец, когда учебники под названием «История Кубани» являются необходимым компонентом школьного и вузовского образования. Обращает также на себя тревожное внимание официальное заявление о формировании на Кубани «особой кубанской ментальности», в числе доминант которой называют «особую роль православия», общинный способ «диалога с природой, силу традиционализма, характерного в первую очередь для казачества»¹.

Вместе с тем стоит признать, что сама постановка вопроса неоригинальна уже на том основании, что является «символической калькой» названия статьи Э. Валлерстайна «Существует ли Индия?»². Тем не менее, отметим, что вплоть до последнего времени ученые почти не интересовались такой проблемой как определение ментальных границ (соответственно – меняющегося пространства) Кубани в парадигме продвижения России на Юг, закрепления ее на берегах Черного моря и

решения ей многовековых внешнеполитических задач или таких «вопросов», как крымский, кубанский, шире – Восточный. Новизна статьи определяется, в частности, тем, что данный кейс из области ментальной географии изучается в контексте борьбы империй (Российской и Османской) за территорию и население двух «горячих точек» вдоль евроазиатских границ, которые А. Рибер выделяет в числе пяти аналогичных проблемных зон: Причерноморской степи и так называемого Кавказского узла³. В центре внимания автора настоящей статьи – дискурсивные практики Российской империи по формированию различных схем организации географического пространства завоеванного Крымского ханства и наделению разных его частей (главным образом – земель ногайцев как «ядра» Кубани) определенными характеристиками.

Типологически близкая тематика получает вполне успешное научное освещение при обращении к изучению пространства смежных или таких же, как Кубань, регионов, «ускользающих» от четкого определения – Сибирь, Крым⁴. Автор настоящей статьи уже публиковал отдельные (предварительные) результаты обращения к тематике, вынесенной в заголовок⁵, причем сама постановка проблемы – о конструктивистской природе границ Кубани – вызвала довольно неоднозначную оценку со стороны некоторых регионоведов, уверенных в надуманности проблемы и убежденных, что такой регион существует объективно и испокон веков.

По справедливому замечанию А. Миллера, в подавляющем большинстве исследований способ воображения региона не объясняется сколько-нибудь четко и подробно, причем историки убеждены, что «выбранные ими границы региона “естественны”, а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения»⁶. Ситуация усугубляется тем, что многие исследователи искусственно вычлениют в государстве некий регион, ретроспективно используя для его описания такие современные границы, которых раньше не существовало. Отсюда нередки заявления, что «традиционно» (оказывается!) Кубанью называются земли Черноморского казачьего войска, а затем так стали именовать территорию Кубанской области и Черноморской губернии⁷.

Проблема, однако, существует и ярчайший пример научной «недокоммуникации» в этом поле – «пробывание» земель западных адыгов (Черкесии-Адыгеи) в составе Кубани. Историки Краснодарского края включают эти сюжеты в местные варианты историописания, ученые Адыгеи («Закубанье») – категорически не желают в своих трудах «пересекать» пространство р. Кубань, поскольку на правом берегу Кубани находится значительная часть территории Краснодарского края, ныне – самостоятельного, как и Адыгея, субъекта Российской Федерации. С другой стороны, часть земель бывшего Кубанского казачьего войска (Баталпашинский отдел) ныне входит в состав Кабардино-Балкарии, но мы не найдем описания казачьей истории ни в учебниках по истории КБР, ни, напротив, освещения истории «кабардино-балкарского народа» в учебниках, например, по истории Кубани.

Между тем такой регион как «Кубань» оказывается примером воображаемого пространства, судьба которого теснейшим образом была связана с имперскими «войнами памяти», необходимостью со стороны российского царизма создать механизм управления своими новыми окраинными землями. По мнению крупного исследователя истории империй А. Рибера, способность империй управлять своими границами является одним из важнейших факторов их (империй) долговечности⁸. В этой связи позволим утверждать, что конструирование (путем называния и наделения границами) *нового воображаемого пространства* (пограничного, недавно – чужого!) можно отнести к числу способов управления, а также формирования *новой идентичности новых* насельников этого «региона». История такого пространства как «Кубань», следовательно, может изучаться как часть проблемного поля дискурса империй. В самом деле, такие составляющие имперской колонизации окраин как «рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры» (по Т. Баррету⁹) еще требуют самого пристального внимания исследователей колонизации Россией Кавказа с позиций изучения *символически* расширяющегося пространства Российской империи, что в нашем случае великолепно иллюстрирует эволюция образов воображаемой географии.

Сталкиваясь с многочисленными фактами нелояльного

отношения к империи со стороны казаков в пограничном пространстве, имперские власти искали и другие, более изощренные методы управления новоприобретенными владениями, обратившись, в частности, к практикам «препарирования» исторического прошлого региона. Ученые отмечают, что в своих интересах государство придает прошлому нужный монументальный облик, «взывает к поражающим воображение архетипам, осуществляет дидактические манипуляции с прошлым и всемерно использует его как мощный мобилизационный фактор»¹⁰. Несомненно, что топонимическую политику государства (о которой, в частности, пойдет ниже речь) наряду с возведением памятников, празднованием исторических дат и пр. можно включить в список действенных методов «национализации масс» (по Дж. Моссе¹¹), в результате чего стирается одна память и закрепляется другая. Но поскольку такое «наделение историей» чаще всего и контролируется государством, то уместно привести фразу известного писателя-юмориста Ст. Е. Леца о том, что свергая памятники, нужно оставлять пьедесталы, которые всегда пригодятся, поскольку на место старых мифов тут же попытаются поставить новые; а многоликое имя этому пьедесталу – доминирование/подчинение/господство.

В конце XVIII в., по итогам Русско-турецких войн второй половины XVIII в. Крымское ханство было ликвидировано, и Манифестом 8 апреля 1783 г. империя обрела, наряду с полуостровом Крымским, также «остров Тамань и всю Кубанскую сторону»¹². Подчеркну, что в тексте Манифеста империя признает принятие под свою высокую руку новых подданных как «неприродных», декларируя при этом «бытия их перемену». Следовательно, можно уверенно говорить о больших трудностях для Романовых в легитимации их прав на новообретенные земли, нежели, например, на обоснование династией «исторических прав» в отношении наследия Киевской Руси, бывлых завоеваний Рюриковичей. В самом деле, наивно полагать, что взывание имперских властей к такому основанию для «мягкого захвата», как возмещение потерь от войны с Турцией (что и присутствует в тексте документа) могло устроить не только местное население, но и саму победившую сторону.

Отмечу, что на протяжении веков ногайско-татарская Кубань ассоциировалась в сознании жителей России с «нечистым» пространством, источником бед и страданий православного люда. Крымское ханство, вассал Османской империи, в состав которого входила Кубань, являлось не только серьезным соперником России в реализации ей политики на европейском, например, направлении, но и несло существенную угрозу, что называется, национальной безопасности – пленные угонялись на земли ханства тысячами. Только за 1607–1617 гг. татары угнали из России не менее 100 тыс. чел., а всего за первую половину XVII в. татары и ногайцы Крымского ханства угнали из России не менее 150–200 тыс. человек¹³. Для сравнения – в 1646 г. население европейской России составляло около 7 млн. человек. Славянские рабы становятся популярны в Европе не в последнюю очередь «благодаря» невольничьим рынкам Кавказа и Крыма, прежде всего – Кафы, куда живой товар исправно поставлялся жителями ханства – участниками набегов на Россию. Согласимся с Б.А. Успенским в том, что пространство в древнерусской литературе и, конечно, сознании человека даже Нового времени, мыслилось в ценностных категориях, а «те или иные земли расценивались как чистые и нечистые, праведные и грешные. <...> При этом ад и рай также мыслились в пределах географического пространства: их в принципе можно было посетить»¹⁴. В том же ключе рассуждает Ю.М. Лотман: «...движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду»¹⁵. Таким образом, все пространство вполне «естественно» делится в сознании адептов на «чистое» и «нечистое», пребывание в котором – грех.

Можно также добавить, что восприятие славянами татар Крымского ханства (предварительно можно полагать – и ногайцев Кубани) в качестве «бича Божьего» и этих земель («Татарии») как «*Тартарии*» (в эсхатологическом понимании), также закрепляло за указанным пространством (включая Правобережную Кубань) статус земель «нечистых» и «богопротивных», что вполне укладывается в поле бинарных оппозиций, «характеризующих структуру физического, психического и социального миров»¹⁶. На дискурс Татарии необходимо смотреть и шире: с точки зрения

«просвещенной» Европы; недаром Г.Л. де Боплан пишет о Крыме (включая татар крымских и ногайских) как о *Тартарии*, наделяя, например, татар крымских «нечеловеческими» чертами, а черкесов, например, считая тоже татарами¹⁷. Известен ряд описаний татар XVIII в., в которых они также наделяются малопривлекательными чертами, выступая представителями едва ли не отдельной, и «естественно», малоразвитой и жестокой нации¹⁸. Дискурс татар в сознании жителей Российского государства со временем претерпел изменения и, например, в конце XV – начале XVI в. «используемые в качестве орудия наказания татары оцениваются как неразумная, разрушительная, безликая, некультуренная стихия. Особенно подчеркивается их коварство и стремление изменить уклад жизни покоренных народов»¹⁹. Еще в XVII в. татары предстают в думах украинцев как Божья кара за неуважение «к родителям, к роду, односельчанам..., за несоблюдение постов и обрядов»²⁰.

Итак, и Европа, и Россия неизменно на протяжении веков описывали татар и Татарию как оплот дикости, варварства. Причем, как метко выразился Л. Вульф, если за рядом стран, включая Турцию, век Просвещения мог признать «собственную восточную цивилизованность, то татарам напрасно было ждать подобного снисхождения»²¹. Дискурс Татарии оказался живуч – российский атлас 1745 г. содержит в себе карту «Малая Татария с пограничною Киевскою и Белогородскою Губерниями», включающую в себя показ земель, лежащих около Днепра. Дона и Донца, «також весь Крым и часть Кубани с Черным морем»²². Вообще надо полагать, что дискурс Кубани следует рассматривать в ряду других дискурсов, таких, например, как Татария, Азия, Кавказ, Юг, Черкесия. Ведь что примечательно, на многих европейских картах, например, XVI–XVII вв., хорошо знакомых в России, мы находим зримое указание на отнесение интересующего нас пространства и к Татарии, и к Азии²³; более того, самой России нередко, например, на картах, отказывали в принадлежности к Европе. Поэтому для России, выступившей в XVIII в. на мировой сцене в качестве великой империи, воспринявшей идеи Просвещения и *mission civilisatrice* среди отсталых народов, варваров было крайне важно изменить представления о себе в Европе как о варварской ранее стране,

как части бывшей Татарии. Тем более оперативно имперским властями в конце XVIII в. предстояло решить другую насущную задачу – трансформировать подобные представления о регионе, который сам в недавнем прошлом являлся частью Татарии. Примерно о том же пишет Л. Вульф: когда Татария (ее часть?) вошла в состав России и стороны поменялись местами, «татарское влияние по-прежнему учитывалось в общем балансе сил Европы и Азии, цивилизации и варварства»²⁴. Рабочая гипотеза автора заключается в следующем: инкорпорируя юридически и административно новое приграничное пространство в имперскую систему, царизм сознательно пошел на масштабное *переименование* «региона», причем долгое время практики России по созданию «центрального топоса» управления здесь своими границами носили непоследовательный характер, не говоря уже об отсутствии продуманности и многообразии форм процесса управления по М. Ходарковскому²⁵. Кажется, не ошибусь, если приведу в качестве подтверждения мысли о «непоследовательности» характера этой деятельности рассуждение М. Бассина о том, что вестернизированная Петром I Россия обрела в XVIII в. свой дискурс Европы и Азии, а именно – деление страны на европейскую и азиатскую части²⁶, последняя из которых все время расширялась.

Освоение новых земель нельзя было начинать, оставляя без внимания контекст символического влияния «старых» («освященных» традицией применения самими разными историческими акторами) историко-географических представлений об этих землях, как о «Кубани», «Татарии», пространстве, безусловно, чужом. Реализацию планов властей по *ликвидации* («стиранию» с карт) истории той, чужой, уже *несуществующей* Кубани, необходимо было сочетать с *символическим присвоением* Россией завоеванного пространства Крымского ханства. Сейчас неважно, затронули практики этого процесса земли ногайских татар раньше или позже земель Крыма, но, скорее всего, это были звенья одной цепи. Продолжая разговор о символических формах присвоения Россией указанного пространства, точнее – символизме применения этих форм, нужно иметь ввиду еще два, как минимум, обстоятельства, связанных с дискурсом империй. *Обстоятельство первое:*

– многовековая борьба Романовых и Османов за эти обширные окраинные районы вполне может оцениваться как столкновение правителей христианского и мусульманского миров. До заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османы имели все основания считать обширные пространства Крыма и Северного Причерноморья подвластными себе, периодически называя себя правителями Дешт-и-Кипчака, хотя в действительности единственным законным обладателем этого наименования в своей титулатуре являлся только правящий крымский хан из рода Гиреев²⁷. Османы, конечно, периодически именовали себя правителями Дешта, но, думается, плодотворной может оказаться мысль о таком символизме усилий России по изменению культурного ландшафта территории Крымского ханства, *который может быть связан с оценками ликвидации его как последнего из государств-наследников Золотой Орды (Гирей – Чингизиды)*. Сакральность такой борьбы была обусловлена многим – именованием хана в России «царем», выплатой «поминок» ханству со стороны России вплоть до 1700 г., что явно снижало международный престиж страны в Европе и пр. Следовательно, с ликвидацией Крыма Россия окончательно манифестовала о победе над Золотой Ордой. *Обстоятельство второе:*

– мирные договоры, заключенные между Россией и Турцией в 1774 и 1791 гг., нанесли мощный удар по позициям Османов в Причерноморье, способствуя стиранию границ не только между внутренними и внешними, как метко выразился А. Рибер²⁸, границами их империи, но между границами старыми и новыми. На обширных пространствах Дешта (в интересующем нас регионе – до реки Кубань) стала владычествовать Россия в лице Екатерины II – *Темамен Руссиелерин Падишах*²⁹.

«Привычное» нам имя региона – Кубань (применительно к описанию границ именно *российских* владений на Кавказе, начиная с конца XVIII в.) достаточно противоречиво входит как в бюрократический («книжный») дискурс, так и «фолк-дискурс». Несомненно, что разные поколения как, например, местных интеллектуалов, так и сторонних (но заинтересованных) лиц империи вкладывали разный смысл (наполнение географического пространства) при употреблении данного термина. При этом

крайне интересно, что наименование этой части Северо-Западного Кавказа «Кубанью» случилось *много раньше* вхождения ее в состав России, вслед за чем данное наименование временно *исчезло*. Во многих документах, как минимум времен XVIII в., мы встречаем прямое указание на обозначение земель Правобережной Кубани (входившей и тогда, и раньше в состав Крымского ханства) именно как Кубани³⁰. На известном уже нам атласе 1745 г. Кубанью названы земли именно ногайских татар и, судя по всему, границы этого пространства не распространялись на Левобережье Кубани, массово заселенное черкесами. На европейских картах XVIII в. из фондов РГВИА обширные пространства Правобережной Кубани также населены «Tatares de Kuban»³¹, в соседстве с которыми лежит страна «Circassie». Впрочем, на российской карте конца 1770-х гг.³² часть этого слова (-нь) находим написанной на пространстве *левого* берега Кубани, в землях «темургойцев». Скорее всего, речь идет здесь об общих границах интересующего нас региона, нежели каких-то основаниях для того, чтобы спорить, входила ли Черкесия в пространство Кубани или нет. В любом случае, повторимся, употребление такого имени региона как Кубань сопровождалось в представлении многочисленных «европейских» акторов коннотациями явно отрицательного и устойчивого при этом характера. И реакция российских участников этого процесса была едва ли не самой болезненной.

Говоря другими словами, именно Россия была прежде всего заинтересована в том, чтобы *стереть старую память о Крыме, превратив, например, Кубань, в не-Кубань*. Уже в феврале 1783 г. Екатерина II подписала указ об образовании на территории недавно обретенных земель (см. выше) новой административной единицы, получившей название Таврической области. В состав «Тавриды», очевидно, вошли земли Таманского острова³³, остальные же земли ногайской Кубани решили включить в состав Кавказского наместничества, учрежденного указом от 5 мая 1785 г.³⁴ По нашему представлению, уже в наименовании территории бывшего Крымского ханства *иными* названиями можно видеть зримое выражение практик империи по конструированию *новой* социальной памяти местных жителей «Новороссии». Конечно, татар из Крыма никто не собирался выселять насильственно и целенаправленно, но также не собирались имперские власти

ооставлять без внимания вопросы изменения демографического облика региона за счет нового, преимущественно *славянского* населения. Исследования В.М. Кабузана показывают, что в 1770-е. – 1790-е. гг. население Екатеринославской и Херсонской губерний увеличилось со 154 до 357 тыс. человек, а Крыма (Таврической губернии) – с 36 931 душ м.п. в момент присоединения к России до 150 тыс. человек в 1790 г. Справедливости ради отметим, что такой прирост стал возможен не только за счет пришлого населения, но и за счет естественного прироста³⁵.

Что касается ногайской Кубани, то этот регион почти обезлюдел к моменту переселения сюда черноморских казаков в 1792 г. Примечательно, что казачья старшина не менее имперских чиновников была заинтересована в обретении новых земель на «Кубани», но от самих казаков зависело не все. Другое дело, что ученые до сих пор дискутируют на тему: почему речь зашла об этих землях, вероятно, уже в конце 1787 г., заявляя, в частности, что «документальным источниками мы не располагаем, а предположения спорить не будем»³⁶. Вряд ли, однако, ошибемся, если скажем, что ответ на данный вопрос может быть получен при анализе документов из личных фондов Г.А. Потемкина и В.С. Попова, хранящихся в РГВИА. В любом случае на объяснение причин этого переселения надо смотреть гораздо шире, нежели исключительно с позиций обретения империей выгод от организации охраны новой границы по р. Кубань и создания нового войска, «исторически» способного к войне с турками. Представляется, что ключ к пониманию проблемы – изучение психологии личности Г.А. Потемкина, наименованного 10 января 1790 г. указом Екатерины II Великим Гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск, действие которого князь вскоре распространил по всем упомянутым в нем территориям³⁷. Согласно новейшим исследованиям А. Зорина, мотивация Г.А. Потемкина в создании казачьих войск определялась его планами по политическому переустройству Польши, включая использование казачьего фактора при возможном разделе королевства³⁸.

Остановимся вот на какой плодотворной мысли ученого – казаки были необходимы светлейшему князю для возможного расширения им личных владений в Польше и в любом случае

связаны с его планами возглавить *некие* земли в качестве *правителя*. Эта поразительная догадка в состоянии серьезно поколебать сложившиеся в науке историографические образы, связанные с переселением на «Кубань» новоучрежденного Черноморского казачьего войска. Продолжая логику рассуждений А. Зорина, отметим, что объяснимой тогда выглядит забота Г.А. Потемкина о поселении казаков «на привольных местах Черного моря, между Днестра и Буга...», на чем выражение им своего «долга пещись» о казаках не закончилось. Своим ордером от 19 апреля 1790 г. гетман даровал войску Черноморскому земли (не принадлежащие помещикам) на «Кинбурнской стороне», «от Буга по морю до Днестра», а также Еникольскую округу с «Таманом», на котором находились принадлежавшие самому светлейшему князю места с рыбными ловлями³⁹. Удивительно, как торопится Г.А. Потемкин: в тот же день он адресует казакам еще один ордер, которым утверждает в звании кошевого атамана ЧКВ З. Чепегу, требуя вместе с тем участия казаков в комплектовании конного казачьего полка при булаве гетмана⁴⁰. Обращаем внимание, что формирование этого полка стимулировало распространение слухов об амбициозных планах Г.А. Потемкина на западном направлении именно как независимого правителя⁴¹. И вряд ли нужно сейчас подсчитывать реальный военный потенциал этого воинского формирования, поскольку для нас гораздо важнее другое – символизм его учреждения Г.А. Потемкиным. Скорее всего, этот политик европейского масштаба вынашивал планы поддержки казаков-черноморцев как часть своих личных амбициозных замыслов по достижению сложной унии между Польшей и Россией, когда «центральное место и в географическом, и в политическом отношении должно было занимать подчиненное светлейшему малороссийское казачество (выделено мной. – Д.С.)»⁴². Однако осенью 1791 г. циничный «покровитель» казаков умер и войсковой верхушке пришлось искать обходные пути для реализации старых замыслов гетмана, конечно же, удобных ей самой. И снова казакам «повезло» – империя не собиралась отказываться от закрепления на территории ногайской Кубани – скорее всего, вопрос о переселении туда казаков был решен в Санкт-Петербурге без *определяющего* обращения к ходатайству хрестоматийно известной казачьей депутации⁴³. Ниже приводится

отрывок из песни, сочиненной, как считается, одним из лидеров черноморских казаков конца XVIII в. Антоном Головатым в 1792 г. близ Днестра. Повод к ее написанию был весьма основателен – двумя своими грамотами, от 30 июня и 1 июля 1792 г. императрица Екатерина II открывала путь Черноморскому войску из междуречья Буга и Днестра к переселению, как чаще всего пишут в научной литературе, на Кубань⁴⁴.

*Ой, годі ж нам журитися, пора перестати,
Діждалися від Цариці за служби заплати:
Дала хліб-сіль і грамоти за вірній служби,
От тепер ми, рідні брати, забудимо всі нужди.
Дякуймо ж, Царицю, молимося Богу,
Що нам указала на Кубань дорогу⁴⁵.*

Можно согласиться с замечанием О.В. Матвеева о том, что «смена названия войска (с Запорожского на Черноморское, причем в последнем случае – в вариациях. – Д.С.) – символический ритуал. Наименование выбиралось не только ради “ушам приятного прозвания”, но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем»⁴⁶. Несомненно, что Екатерина II крайне болезненно относилась к самой возможности сохранения памяти о Запорожье, указывая на необходимость поиска нового имени для войска – чтобы никто не подумал, «будто за нужно нашлось восстановить Сечу, либо название»⁴⁷. Но дальше, создавая новую этногенетическую историю региона, имперская власть столкнулась с рядом проблем, в т.ч. вызванных событиями Персидского бунта – наименование «верные» у ЧКВ было безжалостно отобрано⁴⁸. Впрочем, и в бюрократическом («книжном») дискурсе новое имя нового войска приживалось с трудом: в документах ГАКК мы встречаем даже такие «экзотические» варианты как «верное Запорожское войско» и «Войско верных запорожских казаков»⁴⁹. Никто из исследователей, насколько мне известно, не мог ранее ответить на вопрос о причинах столь разительного противоречия между официальным наименованием войска и «de facto названиями». Думается, что ответ лежит в плоскости понимания все тех же планов Г.А. Потемкина по использованию прежде всего казаков Малороссии, т.е. украинских (символически – запорожских) в его попытках «стать гетманом Восточной Польши, населенной в значительной степени православными украинцами»⁵⁰. К тому

же добавим, что слишком по-хозяйски вел себя Г.А. Потемкин, решая вопрос о наделении казаков-черноморцев землями, например, в Северо-Восточном Причерноморье, чтобы не согласиться с *блестящим* предположением А.Л. Зорина о том, что князь предполагал стать правителем украинских воеводств Польши и некоторых юго-западных губерний России⁵¹. Более того – уже те сведения, которыми мы располагаем, позволяют данное предположение перевести в разряд *рабочих версий* объяснения причин переселения на «Кубань» Черноморского войска, развив при этом тезис нашего предшественника – *скорее всего, и Черноморья должна была войти в состав будущих владений великого гетмана Г.А. Потемкина.*

Что касается номинации «Кубань», то на ее употребление было наложено своеобразное табу, причем, судя по всему, имперские власти действовали по единой схеме – как в Крыму, так и в Северо-Восточном Причерноморье. Уникальное подтверждение своим рассуждениям, высказанным еще год назад на «Дикаревских чтениях» (см. сноску №4) и не вполне адекватно (неконструктивная критика) воспринятым некоторыми регионоведами, удалось найти в биографии Г.А. Потемкина, автором которой стал А.Н. Самойлов, его современник и племянник. Эти сведения такой важности, что позволим себе привести весомый по объему отрывок из этого произведения:

«Но чтоб более поразить умы блистательностью деяний великия Екатерины, чтоб отрясть и истребить воспоминание о варварах... (выделено мной. – Д.С.) в покоренном полуострове возобновлены древние именованя: Крым наречен Тавридою, близ развалин, где существовал древний Херсонес, из самых тех груд камней при Ахтиярской гавани возник Севастополь, Ахт Мечет назван Симферополь, Кафа Феодосией, Козлов Евпаторией, Еникаль Пентикапеум, Тамань Фанагорией и проч. ... Словом, новый свет просиял в древнем Понтийском царстве... и беспрепятственно первый шаг сделан к очищению Европы от Магометан и к покорению Стамбула»⁵².

Представляется, что превращение Кубани в не-Кубань, например, в Черноморию – явление из области именно описанных выше практик. Земли «той» («другой», «чужой», «неистинной») Кубани маркируются теперь территорией Фанагорийского острова

«со всею землею, лежащую по правой стороне реки Кубани от устья ее до Усть-Лабинского редута...»⁵³. Подчеркнем, что речь идет о пожаловании Екатериной II казаков этими землями согласно грамоты от 30 июня 1792 г. в *вечное пользование*, что (в соединении с другими элементами данного акта – пожалованием знамен, преломлением хлеба во время церемониала в Слободзее и пр.) действительно поднимало это действие до сакрального уровня.

Примечательно, что «остров Таман» по этой грамоте выступает в качестве равнозначного понятия «остров Фанагория»⁵⁴ – недаром в российском бюрократическом («книжном») дискурсе конца XVIII в. весьма быстро замелькал «Фанагорийский остров»⁵⁵, символическая география которого охватила не только земли Таманского острова, как исторического «ядра» Азиатского Боспора. Иногда в документах конца XVIII в. встречается такое выражение – «в Фанагории в городе Тамане»⁵⁶, что, скорее всего, свидетельствует о названии всего региона – земель Таманского острова, а не двойном названии указанного города.

Указом Павла I от 12 декабря 1796 г. Таврическая область, наряду с Екатеринославским и Вознесенским наместничеством, была по сути ликвидирована; эти единицы составили новую губернию – Новороссийскую, причем ее центр Екатеринослав с 1797 г. стал именоваться Новороссийском⁵⁷. Черномория вошла в состав этого образования⁵⁸, став со временем ее Фанагорийским уездом. В результате же разделения Новороссийской губернии в начале XIX в. на три аналогичных единицы Черномория (Земля Войска Черноморского) вошла в состав *воссозданной* Таврической губернии⁵⁹, обретя статус ее Тмутараканнского уезда⁶⁰. Такой подробный экскурс понадобился для того, чтобы подчеркнуть следующую мысль – обозначение земель Крымского ханства, занятых ЧКВ, как *Кубани* почти исчезает из употребления, хотя отдельные «бреши» использования «табуированной» номинации мы встречаем как на картах, так и в делопроизводственной документации.

Не вполне доверяя ЧКВ как социуму, лояльному по отношению к верховной власти, царизм апеллирует в своих практиках выстраивания воображаемого пространства, однако, не только (а первоначально – и не столько) к акту создания войска

и сакрализованному по форме и содержанию пожалованию ему земель (что открывает наступление новой эры в истории «региона» и актуализацию космологической модели восприятия времени⁶¹, а к временам *Боспорского царства и Тмутараканского княжеств*, на что никто из ученых-регионоведов ранее внимания не обращал. Уже нет сомнений в том, что в первом случае речь идет о местных вариантах практик царизма по реализации т.н. «греческого проекта» Екатерины II, во втором – указывает на изощренность замысла властей по обоснованию очередного, исторически законного появления Руси-России в Северо-Восточном Причерноморье. Подчеркну, что в целом эти практики (включая изменение культурного ландшафта ногайской Кубани) свидетельствуют о формировании в конце XVIII в. нового исторического нарратива, легимирующего Россию в ее новом, никогда прежде невиданном виде – *части Европы как наследницы античной Греции*. Очевидно, что данная проблема должна изучаться прежде всего в парадигме ментальной географии и конструирования географического пространства в Европе⁶², включая практики России по изменению тех идентификационных характеристик, которые характеризовали ее в глазах Запада⁶³ (см. также споры о перспективах применения «старых» европейских дискурсов Россия/Восток и пр., например, в статье М. фон Хагена и комментариях G. Hosking, M. Lewis, M. Bassin, D. McDonald⁶⁴). С другой стороны, век Просвещения, в лице, например, Вольтера⁶⁵, не мог не влиять на Екатерину II в ее решимости принести свет культурной колонизации в те края, где его никогда не было. И, конечно, нельзя не сказать о роли «греческого проекта»⁶⁶ в воображении Россией пространства территории Крымского ханства как *возрожденной античной Греции*. Обращение к содержанию и реализации именно этого проекта – главный ключ к пониманию тех образов ментальной географии, которые Российская империя конструирует (теперь на *своем Юге!*), обращаясь к переименованию Крыма в Тавриду, Тамани в Фанагорию, etc. Новый миф – «Россия как Греция» был выгоден империи Романовых по целому ряду позиций, включая аспект легитимации ее завоеваний в Крыму и повышения престижа в Европе. В последнем случае речь вот о чем – рушилась стройность и логичность традиционного «силлогизма»

о последовательности распространения света просвещения из Греции в Рим, далее – в Западную Европу, а оттуда в Россию, которая теперь «оказывалась связана с Грецией напрямую и не нуждалась в посредниках»⁶⁷. «Возрождая» античные традиции в Тавриде, Екатерина II тем самым (не без влияния и участия Г.А. Потемкина) прозрачно намекала и Европе и Турции, что в войне за воссоздание Восточной греческой империи – конечно, за счет владений Османов, Российская империя не остановится.

Итак, выше были обозначены основные мотивы России по присвоению и символическому освоению ей обширных пространств в Крыму, на Кубани и прежде всего – путем создания образов ментальной географии, воображения таких регионов как Таврида (включая в себя земли особенно интересующего нас Таманского острова), Черноморья. По аналогии с мыслью Я. Зерубавель полагаем, что Российская империя с помощью этих форм конструирует не просто новую социальную память, но «контрпамять», которая в силу самой своей природы является оппозиционной, враждебной господствующей (ранее?) коллективной памяти и обладающая подрывным потенциалом⁶⁸. В этногенетических построениях творцов этой «контрпамяти», конечно, не оставалось места для Кубани, как региона, наделено теперь уже «антиисторией». Конечно, вряд ли целесообразно искать сгусток «злого умысла» в том, например, факте, что Таврический губернатор С.С. Жегулин с пониманием отнесся к просьбе войскового руководства казаков-черноморцев (1794 г.) по использованию построек ханского дворца «при Ейской косе состоящего», для возведения в Ейском округе православного храма⁶⁹, но думается, что общая парадигма освоения империей нового пограничного пространства была направлена на его сознательную культурную русификацию (в данном случае).

Что касается «тмутарканских практик» именованья новых владений империи на Западном Кавказе, то свою предысторию они также имеют в «веке золотом Екатерины». Примечательно, что к находке Тмутараканского камня российские галломаны отнесли с большим подозрением, ибо полагали, что с «его помощью Россия хочет доказать справедливость своих притязаний на эту территорию»⁷⁰. Правительство уже Александра I (не достав ли при этом «из-под сукна «павловский проект»?) с

вниманием отнеслось к перспективе переименования «*турецкой*» Тамани в Тмутаракань, но, по неизвестным пока причинам, такой указ не был подписан⁷¹. Впрочем, подобного рода практики все-таки нашли определенное претворение в жизнь, поскольку из журнала дневных заседаний Войсковой канцелярии от 5 октября 1804 г. следует: «... на основании указа Сената, состоявшегося по именному Его Императорского Величества указу минувшего октября в 8 день прошлого 1802 г. именуется здешний край Тму Тараканом»⁷². Впрочем, дальнейшая история показала, что империи необходимо было считаться с мнением нарождающейся местной элиты, утверждением новой региональной идентичности – «черноморские казаки» и распространением номинации «Черномория» (вероятно, от «от имени» Войска) в массовом дискурсе.

1. О создании учебника «История Кубани» / Инф. письмо Департамента образования и науки администрации Краснодарского края №12/98 от 11.02.04.
2. Emmanuel Wallerstein. Does India Exist? // Wallerstein E. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-century Paradigms*. Cambridge, 1995. P.131–134.
3. Рибер А. Сравнимая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С.56.
4. Келли О'Нейлл. Конструирование российской идентичности на имперской окраине: архитектура, ислам и трансформация крымского ландшафта // *Ab imperio*. 2006. №2; А. Ремнев. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
5. Сень Д.В. «Черномория» *versus* «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII в. – первой половины XIX в. // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения (12)*. Краснодар, 2006; Он же. Дискурс империй, казачество и региональные особенности управления Россией пограничными территориями: «Фанагория–Черномория–Кубань» (конец XVIII в. – середина XIX в.) // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: Мат-лы межд. конф. (5–7 октября 2006 г.). – Астрахань, 2006.
6. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С.16.
7. Хотина Ю.В. Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – С.4.
8. Рибер А. Указ. раб. – С. 54.
9. Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология*. Самара, 2000. С.119.
10. Schwarcz Vera. Stranded no more: personal in the interstices of public commemoration // *Memory, history, and opposition under state socialism*. Santa Fe, 1994. – P.51–52.
11. Рибер А. Указ. раб. – С.61–62.
12. ПСЗ-1. – СПб., 1830. – Т.21. – С.897.

13. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.:Л., 1948. – С.426.
14. Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // В кн.: Успенский Б.А. Избр. тр. – М., 1996. – Т.1. – С.381.
15. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1965. – Вып.2. – С.210–211.
16. Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М., 1999. – С.501. См. также в книге, напр. – С.501–536.
17. Боплан, Гийом Левассер де. Описание Украины. – М., 2004. – С.213.
18. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003. – С.284–288.
19. Амелкин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). АКД. – М., 1992. – С.7–8.
20. Ерофеев И. Крым в малорусской народной поэзии XVI–XVII вв., преимущественно в думах (Памяти В.Б. Антоновича) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1908, №42. – С.77–78.
21. Там же. – С. 285.
22. Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям, с приложенною при том генеральною картою Великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. – СПб., 1745. – С.8.
23. Агафонов А.И. История Донского края. (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). – Ростов на/Д., 2001 (см. в книге отдельно воспроизведенные карты, являющимися приложениями).
24. Вульф. Л. Указ. раб. – С.285.
25. Рибер А. Указ. раб. – С. 61–62.
26. Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. №50.
27. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.): Очерки. – М., 2004. – С.182.
28. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст (Б-ка ж-ла «Ab imperio»). – Казань, 2004. – С.206.
29. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – М., 2005. – С.53.
30. Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф.115. Оп.1. 1752 г. Д.28. Л.41 об.; Российский государственный архив древних актов. Ф.89. Оп. 1. 1717 г. Д.4. Л.93 об.; Там же. Ф.248. Оп.126. Д.466. Л.50–50 об.; Государственный архив Ростовской области. Ф.55. Оп. 1. Д.1471. Л.61.
31. Приймак Ю.В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в.: Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2000 (см. в книге отдельно воспроизведенные карты, являющимися приложениями).
32. Карта границы империи между Каспийским и Черным морями. Сочинена в 1778 г. (с обозначение земель белгородских татар) // государственный исторический музей (ГИМ). Инв. №60083 ГО А-5125. Гравюра 1778 г.
33. ПСЗ-1. – СПб., 1830. Т.22. Ст. №15920.
34. Там же. Ст. №16193.

35. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М., 1990. – С.197.
36. Фролов Б. Е. Атаман Захарий Чепега. К 280-летию со дня рождения (1726–1797). – Краснодар, 2006. – С.74.
37. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Изд. подг. В.С. Лопатин. – М., 1997. – С.901–902.
38. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004. – С.144–148.
39. Короленко П.П. Черноморцы за Бугом. Приложение №14.
40. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собраны и изданы И.И. Дмитренко. – СПб., 1896. – Т.2 (1787–1795). – С.33.
41. Энгельгардт Л.Н. Записки / Подгот. текста, сост. и примеч. И.И. Федюкина. – М., 1997. – С.94–95.
42. Зорин А.Л. Указ. раб. – С.147.
43. Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // Historia Caucasia: Региональный исторический сб. науч. ст. – Краснодар, 2005. Вып. 4. – С.10–12.
44. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: Истор. документы. – Краснодар, 2006.
45. Описание проекта памятника императрице Екатерине II / Сост. М.О. Микешин. – СПб., 1895. – С.7.
46. Матвеев О.В. Монарх в исторической картине кубанского казачества (конец XVIII – начало XX столетия) // Кубань-Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. – Краснодар, 2006. Вып. 1. – С.68.
47. Там же.
48. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.250. Оп. 1. Д.59. Л.5.
49. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.7. Л.2; Там же. Оп.1. Д.41. Л.11; Там же. Оп.1. Д.8. Л.1; Там же. Оп.1. Д.239. Л.13 (*документы любезно предоставлены автору Б.Е. Фроловым*); Там же. Оп.1. Д.36. Л.77.
50. Зорин А.Л. Указ. раб. – С.144.
51. Там же. – С.147.
52. Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. – С.1015.
53. ПСЗ-1. – СПб, 1830. Т.23. Ст.17055.
54. Сборник исторических материалов... – С.2.
55. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.227. Л.5 об.; Там же. Оп. 1. Д.194. Л.1 об, 2; Там же. Оп.1. Д.223. Л.9, 26.
56. Первая перепись... – С.53, 54.
57. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. – М., 1959. – С.201.
58. Она же. Южная Украина в 1800–1825 гг. – М., 1970. – С.174
59. ПСЗ-1. – СПб., 1830. Ст. №20449.
60. Фролов Б.Е. Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. – Краснодар, 2002. – С.97.
61. Успенский Б.А. История и семиотика / В кн. Успенский Б.А. Избранные труды. – М., 1996. – Т.1. (Семиотика истории. Семиотика культуры). – С.31.
62. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наук. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2001. – Вып.4. – С.4–17.
63. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией: <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow>.

pl?state=showa&idart=897&page=1&idlang=2&Code=7zQJ7C40e25CMg4AMw0IM2O9f. 27.03.2007.

64. Хаген Марк, фон. Империя, окраины, и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода: <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=897&idlang=2&Code=vVoeE8TZ74IWUXYnR13fRJCI5>. 27.03.2007.

65. Вульф Л. Указ. раб. – С.295–328.

66. Маркова О.В. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в. // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: Сб. ст. – М., 1986. – С.5–46; Зорин А.Л. Указ. раб. – С.33–64.

67. Там же. – С.37.

68. Зерубавель Яель. Динамика коллективной памяти: <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2&Code=>. 27.03.2007

69. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска... – С.388.

70. Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сб. Русского исторического общества. – М., 2002. – №4. – С.156.

71. Там же. – С.162.

72. ГАКК. Ф.250. Оп.2. Д.96. Л.14 (документ любезно предоставлен автору Б.Е. Фроловым).

